

«речка», и «кос», что означает «сухой», «каменистый». Женька Маковкин имел на этот счёт собственное мнение. С таинственным видом он начал излагать версию, будто в XX веке дорожные строители решили пошутить. У отворота со скоростного шоссе они намалевали на указателе манящее и загадочное «Кость-Ящер» — вместо «Кости-шор», что означает просто «Кости ручей». Дорожники были романтиками.

Тася Новгородцева на научные и околонаучные темы не рассуждала, а гнала наш школьный экспедиционный мобиль по Среднерусской равнине. Я сидел рядом с ней и пичкал бортовой компьютер показаниями навигатора и результатами непосредственных наблюдений из окна. В окне появились холмы Предуралья. Над ними широко развесилось почти мезозойское небо. Последний поворот, мост через речку. Указатель: «Кость-Ящер».

Остановились у магазина. Решили навестить справки у продавщицы и заодно навалиться на пломбир.

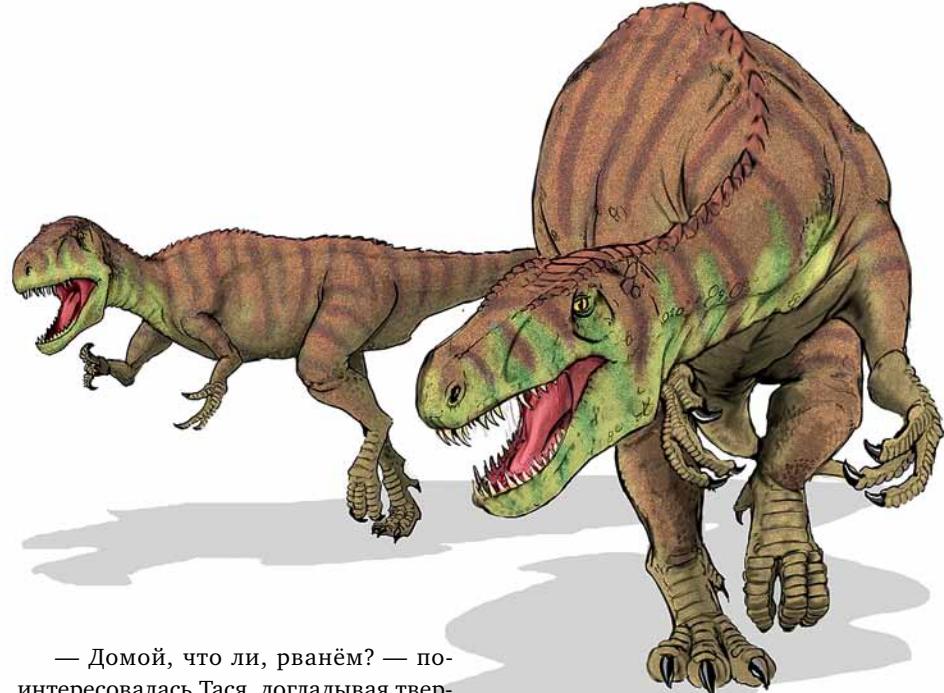
— Здрасте, где у вас тут скелеты динозавров, четыре пломбира, пожалуйста, — выпалил Женька.

— И вам не хворать, в Доме культуры в шесть вечера будут крутить «Парк юрского периода», пломбира нет, есть эскимо, ситро будете брать? — ответила продавщица, на белом халате которой был прицеплен значок «Чудес не бывает. Только ассортимент».

Накупив эскимо, ситро и карамельек, вышли из торговой точки.

— «Шор», «кос», — напомнила Мила Боринских. — Я вас предупреждала.

— «Костин ручей», — настырничал Женька.

— Домой, что ли, рванём? — поинтересовалась Тася, догладывая твердый эскимо. — Успеем к вечернему экраноплану на Кубу. Пальмы! Кораллы! «Гуантанамера»!

Решили всё же пообщаться немного с родной природой, раз уж вырвались из города. Выбрели на деревенскую окраину, где рядом с журчащей на камнях речкой в изобилии рос бурьян, копались в пыли куры да бродила деревенская девчонка с прутиком, причитая: «Борыка, Бо-орыка, вот я тебе! Куда спрятался?».

— Тут стегоцефал не пробегал? — смеха ради спросил девчонку Женька.

— Вы моего трицератопса не видели? — одновременно спросила Женьку девчонка.

Маковкин, понятное дело, пошутил. Девчонка же была настроена серьёзно, прутиком помахивала воинственно.

— К-какого трицератопса? — оторопел Женька.

— Стогоцефала-а? — протянула девчонка. Она выглядела не менее удивлённой. — А Петровна нынче стогоцефала своего пастьись не выгоняла. Неужели опять ограду сломал и убег?

Вдруг за нашими спинами раздался печальный вздох. Впрочем, «вздох» — это слабо сказано. Так глубоко и тяжко мог вздохнуть только печальный вулкан. Потом послышалось сопение, какое могло бы издать стадо бегемотов, если б здесь водились бегемоты. Прибрежные заросли

ивняка заходили ходуном, и над ними возвыглась серокоричневая спина, по хребту которой бежала цепочка костяных шипов. Высунулась виноватая носорожья морда, над которой вздымался рогатый воротник, прикрывающий шею от гипотетического нападения хищников или, скажем, боевых вертолётов. «Тумм!» — ударила в землю толстенная лапища.

«Туммм!» — взлетело ещё одно пыльное облачко. Куры, впрочем, совершенно не были обеспокоены появлением мезозойского страшилища и продолжали искать козявок, ловко выпархивая из-под ступней громадного трицератопса. Чудовище, виновато похрюкивая, устремилось к своей маленькой хозяйке. Ящер боязливо косился на прутик.

